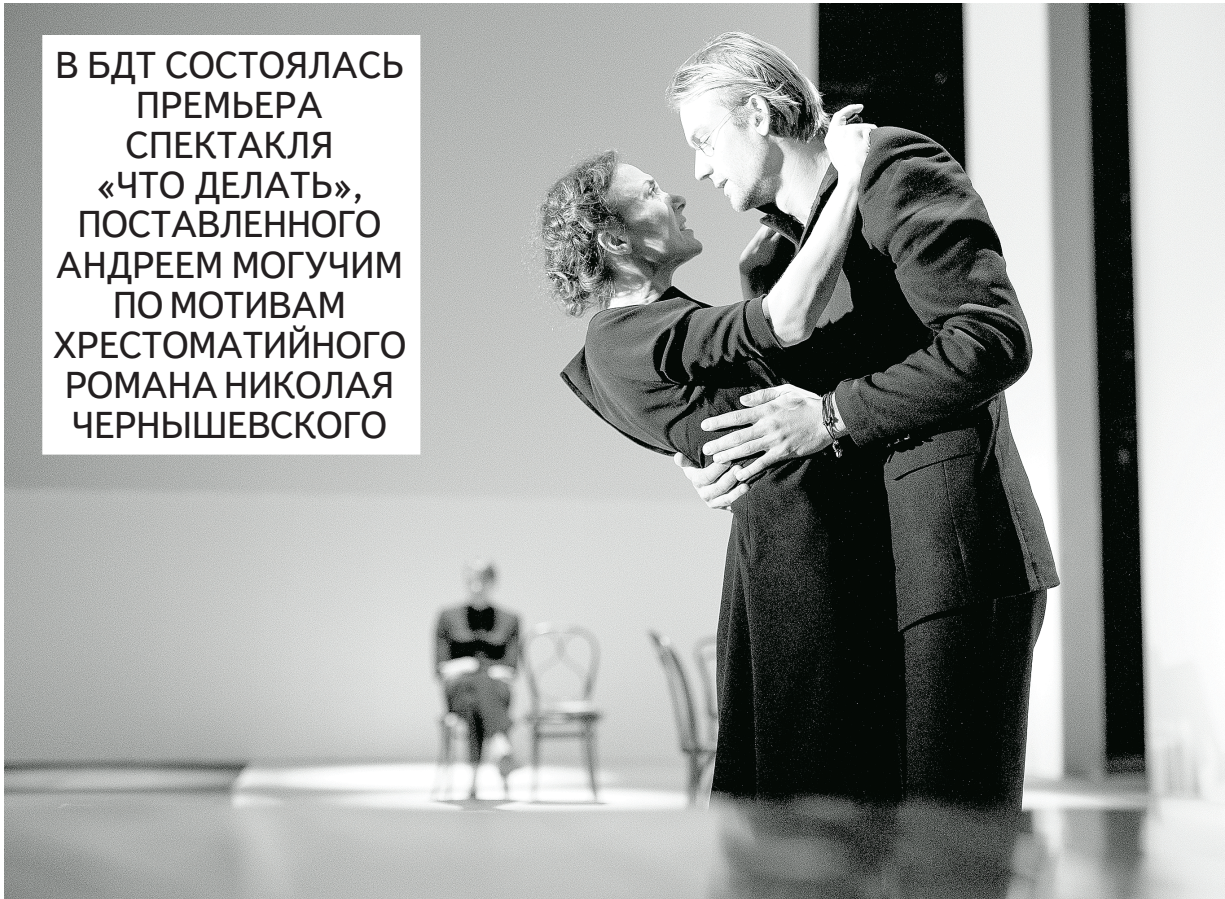

ПОСЛЕВКУСИЕ

«Мы живем в тревожное время, когда будущее туманно»

В БДТ СОСТОЯЛАСЬ
ПРЕМЬЕРА
СПЕКТАКЛЯ
«ЧТО ДЕЛАТЬ»,
ПОСТАВЛЕННОГО
АНДРЕЕМ МОГУЧИМ
ПО МОТИВАМ
ХРЕСТОМАТИЙНОГО
РОМАНА НИКОЛАЯ
ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Режиссер погружает публику в пучины сна.

— Я — та, чье имя Красота, — раздельно повторяет, прохаживаясь по сцене, металлизированная женщина в пальто или в рясе а-ля «Матрица», с аэродинамическим зачесом. — У меня всего два предложения: первое — быть со мной и стать частью меня, второе — тотальное беспощадное уничтожение.

Вокруг — пустынная декорация, черно-белая, вроде шахматной доски, как изображают обычно кэрролловское Зазеркалье. Фигурами на этой доске служат герои «Что делать?» Николая Чернышевского, этого собрания социалистических дамских снов, ночного кошмара десятиклассников. Режиссер и художник БДТ Андрей Могучий сделал эту премьеру — постановку по мотивам хрестоматийного романа Николая Гавриловича — первой в обновленном театре, и ее можно (или даже необходимо) воспринимать как программу к действию театра на более или менее близкое будущее.

Неожиданностью зазеркалье, сон и мечта не стали — тут Андрей Анатольевич узнаваем.

По каким-то своим траекториям заторможено движутся обрывки разнородной реальности: они как будто составлены из разных жанров. Гротескный совершенно Рахметов (Виктор Княжев) и реалистически, островски — прекрасная маменька (Ирине Венгалите); водевильно-комический квинтет полицейских, сыгранный бригадой сплошь заслуженных и народных артистов. Это, кстати, вполне совпадает с нарочно стилистически и жанрово раздробленным текстом Чернышевского. Однако в романе из этих дробей вокруг снов Веры Павловны составляется вполне рациональная и резонерская, хоть и наивная, действительность; в спектакле сны разместились в более просторной внешней

грезе. Нечто подобное мы недавно видели в кинохите Кристофера Нолана «Начало», где герои тоже все не могли проснуться, беспрепятственно просыпаясь в следующем сне.

Роль здешнего Вергилия исполняет некто Автор (Борис Павлович), типически действительно вылитый Чернышевский, каким бы он явился, может быть, через двести лет. Он запросто обращается с «добрейшей публикой», объясняя увиденное сновидение и предлагая после каждой сцены по-школьному четкий, рациональный разбор — прямо как Фрейд. Все это, конечно, полнейшее лукавство и никак не подтверждается. По Могучему, кажется, никакого явного толкования быть не может и вроде бы здравый господин Автор коварно заводит публику в пучины сна.

Интересно, что и те самые сны Веры Павловны несколько, ничуть не совпадают со знакомыми нам снами, которые все зубрили на уроках литературы. У Чернышевского красавицей была Любовь к людям, выпускающая их из подвалов. Здесь верховодит уже упоминавшаяся стальная Красота, предлагающая тоталитарный террор и «Матрицу». После истории XX века сняты совсем иные видения.

Но сны — дело стихийное. Может быть, и спектакль в какой-то степени — тоже. Во всяком случае, «часто репетиции превращались в дискуссионный клуб, настолько острой и жесткой была полемика, столкновение мнений, позиций» — так говорит о спектакле сам режиссер. Почему бы из этой полифонии общих мнений (в спектакле, кстати, тоже звучит хор швей) не выкристаллизоваться какому-то нынешнему коллективному бессознательному? Было б занятно.

Однако кажется, что вся эта сон-

ная неопределенность, в сущности, хорошо отрефлексирована.

«Мы живем в тревожное время, когда будущее туманно, а в головах хаос и неразбериха, — меланхолически замечает Андрей Могучий. — И в отличие от утопических надежд героев, сегодня главным кажется путешествие в свой собственный внутренний мир...»

В самом деле, если окружающая действительность — все равно зыбкий кошмар, не лучше ли самому добровольно свергнуть себя в сон? Не уберезет ли это совесть и разум лучше бодрствования? Не дискредитировали ли Рахметовы и Лопуховы все возможные попытки действия? Свобода и любовь к людям даются уж слишком высокой ценой.

И не потому ли и знак вопроса из названия был убран: в отличие от романа Чернышевского спектакль Андрея Могучего называется утвердительно: «Что делать». Это уж точно не случайность. Может быть, здесь иронический упрек. Мол, настоящий ответ не найден — однако все уже большие, сами решили, как и что делать, как быть свободными; прыгать в пропасть головой или ногами.

Или же это действительное объяснение: что делать, а точнее — что не делать. Посреди тревожного времени, полного фантазмов, неясно, что — благо, что — любовь, а что — наоборот. Век вроде бы и преступный, и постыдный — но все сложно, и у всех своя правда и свобода. Поэтому нельзя в России никого будить. Отрадно спать, отрадней камнем быть.

Федор ДУБШАН
Фото: отдел рекламы и PR
БДТ им. Г. А. Товстоногова/
Стас ЛЕВШИН

ИШЬ ЧЕГО ПРИДУМАЛИ!

Каравай, батон, крендель
рассказывают посетителям свои истории.

Ржаной хлеб разговаривал голосом Николая Мартона, а халу озвучила Татьяна Пилецкая

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МУЗЕЙ ХЛЕБА
В БУДУЩЕМ ГОДУ ОБОСНУЕТСЯ
В НОВОМ ПОМЕЩЕНИИ — СТАРИННОМ
КУПЕЧЕСКОМ ДОМЕ В КАЛИНИНСКОМ
РАЙОНЕ НА УЛИЦЕ МИХАЙЛОВА, 2а

«ВЕЧЕРНИЙ ПЕТЕРБУРГ» рассказывал об истории этого удивительного дома и о старинных изразцовых печах, которые так украшают помещения и будут совершенно уместны в музейной экспозиции.

Ремонт в здании практически завершен, там уже развернута выставка в рамках Петербургской биеннале музейного дизайна, и музейщикам показали (тоже в рамках биеннале) детский центр — первый проект музея. Идея центра принадлежит известному современному художнику Александру Райхштейну.

Основная идея детского центра: хлеб живет и дышит, прорастает из зерна, поднимается тестом в квашне. Хлеб собирает память культуры и истории людей из разных уголков мира.

Мельница, с которой начинается
сотворение хлеба нашего насущного.

В детском центре можно играть в разные игры. Можно составлять пазлы на хлебной карте мира, можно усесться за длинный стол — примерно за таким собирались большие крестьянские семьи, чтобы вкусить «хлеб наш насущный». Но этот музейный стол продолжен

большим экраном, где разворачивается действие самых разных анимационных фильмов — от погружения в мир крестьянской избы до современной кондитерской фабрики или пекарни.

Другой и, пожалуй, главный центр притяжения в пространстве — это гигантский каравай на вышитых полотенцах и свисающие с потолка черный круглый, батон, калач, хала, пряник, восточная лепешка. Это горячие хлебы. Взрослые люди — музейщики, прижимая ухо к калачу или караваю, заслушивались. Еще бы! Голосами известных актеров эти хлебобулочные изделия рассказывали каждый свою историю. Историю блокадного хлеба озвучил Иван Краско, сам ребенком переживший блокаду, а Сергей Дрейден необыкновенно вкусно рассказал о калаче, не забыв упомянуть классическое: «А куда ж ты со свиным рылом да в калашный ряд!» Ржаной хлеб разговаривает голосом Николая Мартона, крендель и пряник — голосами Ильи и Андрея Носковых, свадебный каравай — голосом Алексея Фалилеева. Халу озвучила Татьяна Пилецкая, французский багет — Ольга Белинская, а тандырную восточную лепешку — Полина Толстун.

Галина АРТЕМЕНКО, фото автора